

VII.

РУССКИМЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

«Que tous ceux qui voient le mal et qui en gémissent, comprennent bien l'immensité de leur devoir!»

(*Jules Simon, la Religion naturelle.*)

Зима. Неправда ли, нѣтъ мочи
Морозъ и стужу выносить? . . .
Вамъ длинны суточные ночи,
И рады время вы убить? . . .
Окутайтесь въ мѣхи собольи,
Одѣньтесь въ дымку и атласъ,
На балъ пора! . . . Тамъ ждетъ раздолье,
Тамъ ждуть, всѣ упоенны васъ! . . .

Но не забудьте, — что въ избушкѣ
Нѣтъ дровъ, и часто хлѣба нѣтъ;
Что тамъ къ озябнувшей старушкѣ
Малютка жметса, — свой обѣдъ
Съ утра вымаливая крикомъ;
Что наги, холодны они;
Что жертвы бѣдности великой
Еще бѣднѣе въ зимни дни! . . .

Живемъ мы, право, въ вѣкъ желѣзный!
Безумной роскоши вампиръ
Сосетъ всѣхъ насъ, — и бесполезно
На роскошь ропщетъ цѣлый міръ:
По всей Европѣ всѣ сословья
Бѣднѣютъ нынче съ каждымъ днемъ;
Лишь богатѣютъ на здоровье
Игрокъ съ банкиромъ, да жидомъ.

Легко у нихъ нажито злато,
И проживается легко,
У выскочекъ спѣсь таровата,
И гордость мѣтитъ высоко
Соблазна духомъ одержимой
Толпѣ ихъ въ пагубу примѣръ;
И хвастая щедротой мнимой
Свѣтъ сыплетъ деньгами безъ мѣръ. —

О! горе, горе поколѣньямъ,
Межъ коихъ золото кумиръ! . . .
Такъ было встарь, — когда паденьемъ
Народовъ оглушался міръ:
Когда горѣла Ниневія,
Языческій кончался Римъ,
И разрушалась Византія,
Развратомъ отравясь своимъ!
Такъ будетъ съ жалкими странами,
Гдѣ алчутъ жаждой тѣлѣнныхъ благъ,
Гдѣ нищій зависти глазами

На богача глядитъ какъ врагъ;
 Гдѣ всё на перерывъ стремится
 Блеснуть и нашумѣть собой,
 Скорѣй на счётъ другихъ нажитья, —
 Хоть-бы нечестною рукой!

Богъ имъ судья! . . . Но ихъ путями
 Мы, — добровольные слѣпцы, —
 Зачѣмъ, куда идемъ мы, — сами
 Своей погибели творцы? . . .
 Пора прозрѣть, пора очнуться;
 И, вспомнивъ о судьбѣ дѣтей,
 Съ кровавымъ плачемъ оглянуться
 На разоренье всѣхъ семей!

Вельможа русскій! . . . Ты обязанъ
 Беречь добро крестьянъ своихъ!
 Ихъ жребій съ нашимъ тѣсно связанъ. —
 Отвѣтъ дадимъ ми и за нихъ . . .
 Съ твоей усадьбой заложенной
 Ты заложилъ и дѣдовъ прахъ! . . .
 А мы, — тщеславныя ихъ жѣны, —
 Виновны въ мужниныхъ долгахъ.

Насъ, женщинъ, соблазняетъ мода:
 У насъ кружится голова;
 Тягло работало два года,
 Чтобъ заплатитъ намъ рукава;
 Мы носимъ на оборкѣ бальной
 Оброкъ пяти, шести семей . . .

Блескъ этой роскоши печальной
Грѣхъ противъ Бога и людей!

На полкахъ нашихъ этажерокъ
Какъ много дряни дорогой, —
Альбомовъ, чашекъ, бонбоньерокъ, —
Къ намъ завезѣнныхъ новизной!
Отъ тряпокъ, сундуки ломаются
Въ загроможденныхъ кладовыхъ
Бѣда слугамъ, дома пылятся,
Жизнь таетъ въ мелочахъ пустыхъ!

И что намъ въ томъ? . . . Или мы краше? . . .
Иль мы счастливѣй и милѣй?
Иль миръ прочнѣй надъ кровлей нашей,
И на душѣ у насъ свѣтлѣй?
Гордясь мишурной обстановкой,
Исбѣгнемъ-ли судьбы угрозъ?
Или подъ штофной драпировкой
Поменьше льется женскихъ слѣзъ? . . .

Повѣрьте мнѣ, — и не сердитесь!
Я говорю вамъ отъ души! —
Какъ вы богато ни рядитесь
И какъ ни будьте хороши, —
Не знать вамъ радости сердечной,
И не видать вамъ ясныхъ дней,
Пока идетъ нашъ вѣкъ безпечный
Стезей безпутною своей; —

Пока, гонясь за наслажденьемъ,
За бурной страстию одной,
Мущина смотритъ лишь съ презрѣньемъ
На счастье въ любви святой!
Пока духовное начало
Корысти въ дань приноситъ онъ,
И надъ святыню идеала
Глумится, — буйствомъ озлобленъ!

Такъ сбросимте-жь плечей надменныхъ
Безумно-дорогой уборъ,
И тяжесть тканей позлащенныхъ, —
Весь этотъ блескъ, весь этотъ вздоръ!
Цѣной ненужныхъ бездлушекъ
Накормимъ нищихъ и ребятъ,
Одѣнемъ зябнувшихъ старушекъ, —
И живъ да будетъ меньшій братъ!

(Москва, Ноябрь 1856.)